

В. Г. Короленко

Стереотипное в жизни русского писателя

К некрологу гр. Е. А. Салиаса

В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах.

Том восьмой. Литературно-критические статьи и воспоминания. Исторические очерки

М., ГИХЛ, 1955

Подготовка текста и примечания С. В. Короленко

OCR Бычков М. Н.

Когда умирает русский писатель, какого бы калибра он ни был, то ему, как всякому подсудимому на суде, прежде всего, вероятно, предлагают на том свете вопрос: "Был ли в каторжных работах? На поселении в Сибири? Под судом? В тюрьме? Ссылался ли административно? Или, по меньшей мере, не состоял ли под надзором полиции, явным или тайным?"

И редкий из нашей братии может, положа руку на сердце, ответить: на каторге не бывал, под судом и следствием не находился, под явным и тайным надзором не состоял.

Такая уже преступная профессия. С первым лепетом российской публицистики началась и эта история: уже Новиков и Радищев открыли скорбный мартиролог. О Пушкине и Лермонтове известно. Даже Грибоедов, видный чиновник и российский "полномочный министр" при персидском дворе, не избежал путешествия на фельдъегерских с Кавказа в Петербург. На память об этом путешествии он завещал нам характерное четырехстишие, которое покойный Каратыгин, его личный знакомый, напечатал в своих записках:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово "раб".
Меня и взяли в главный штаб
И "притянули к Иисусу"¹.

¹ "Р. старина", март 1872.

В "главный штаб" потому, что в те древние времена (1826 год) не было еще даже "корпуса жандармов", и "привлекаемые" по подозрению в ненависти к слову *раб* помещались в ордонанс-гаузе при главном штабе.

С этих пор система совершенствовалась, захватывала все шире, и теперь трудно сказать, найдется ли хоть один русский писатель, не заштемпелеванный хоть когда-нибудь, хоть однажды в своей жизни печатью "неблагонадежности"...

Недавно умер граф Е. А. Салиас-де-Турнемир, автор "Пугачевцев". Он был граф, аристократ, цензор, вообще человек "вполне благонадежный". Даже "Новое время" и "Россия" не нашли на его репутации пятна и упрека и посвятили ему самые благосклонные некрологи.

И, однако, в жизни графа-писателя тоже был неблагонадежный эпизод, о котором, повидимому, забыли некрологи. А между тем, он был оглашен самим Салиасом.

В "Историческом вестнике" (1898 года) были напечатаны воспоминания графа Е. А. Салиаса, в которых отмечена эта любопытная черта. В 1861 году происходили памятные студенческие волнения в Московском университете, и граф Салиас-де-Турнемир был избран в числе трех студентов отвезти в Петербург прошение на высочайшее имя. Прощение было вручено флигель-адъютанту, а на другой день граф явился за ответом к шефу жандармов, князю Долгорукову. Последний -- человек уже пожилой и благосклонный -- принял юношу очень милостиво и произнес при сем случае назидательную речь, суть которой заключалась в следующем: "Государю императору, как отцу своих подданных, крайне горько видеть, что молодежь, вместо того чтобы усердно заниматься науками, волнуется и занимается предметами, до ее образования не касающимися. Вместе с тем все справедливые желания студентов Московского университета будут удовлетворены. Возвращайтесь тотчас же обратно в Москву и